

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ НОМЕНКЛАТУРА И РАНГИ В РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ: ИСТОРИОГРАФИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Дмитрий Мазарчук

В статье рассмотрены существующие в историографии подходы к изучению становления дипломатической номенклатуры. Выделены два направления — сторонников и противников возможности построения формализованной иерархии дипломатических рангов. Сделан вывод о значении оформления дипломатической номенклатуры в процессе становления профессии дипломата в Новое время. На основании достигнутого в историографии консенсуса относительно проблемы существования/отсутствия дипломатической иерархии в раннее Новое время предложена методология дальнейших исследований номенклатуры дипломатических агентов.

Ключевые слова: дипломатический работник; историография; посол; прокуратор; ambaxiator (ambassador); legatus; nuncius.

«Diplomatic Nomenclature and Ranks during the Early Modern Period: Historiography and Research Perspectives» (Dmitry Mazarchuk)

The following article covers the approaches existing in historiography to the study of the diplomatic nomenclature formation. Two ways are emphasised — supporters and opponents of the possibility of building a formalised diplomatic ranks hierarchy. The conclusion is made about the importance of the diplomatic nomenclature formalization during the process of diplomat formation in Modern period. Based on the consensus reached in historiography regarding the problem of the existence/absence of a diplomatic hierarchy in the early modern period, a methodology for further research on the nomenclature of diplomatic agents is proposed.

Keywords: ambaxiator (ambassador); diplomatic personnel; historiography; legatus; nuncius; procurator.

Целью статьи является выявление основных подходов и перспектив изучения дипломатической номенклатуры в раннее Новое время. Для достижения поставленной цели решались следующие задачи: определить значение анализа дипломатической номенклатуры при исследовании дипломатии раннего Нового времени; выявить основные подходы к проблеме иерархии дипломатов в раннее Новое время; обозначить пути выделения критериев отношения к дипломатам в исследованиях раннего Нового времени; выявить перспективы дальнейшего анализа дипломатической номенклатуры раннего Нового времени. Актуальность данной темы заключается в необходимости подготовки методологической базы для исследования дипломатической номенклатуры в Англии первых Тюдоров (конец XV — первая половина XVI в.).

С момента издания классической работы британского исследователя Г. Мэттингли (1955 г.) одной из основных тенденций развития западноевропейской дипломатии Нового

времени считается становление резидентного дипломатического представительства. По его мнению, в период 1420—1530 гг. практика использования неформальных каналов внешних сношений в Италии, а также разовых поручений постепенно уступала место новым формам [18, р. 61—86, 132—139]. Правящая элита все лучше осознавала выгоду от содержания при чужих дворах (правительствах) постоянного представителя, отъезд которого «не зависел от завершения каких-либо конкретных переговоров» [19, р. 427]. Новой обязанностью этого лица становился сбор и передача на регулярной основе актуальной информации. На протяжении XVI в. итальянские модели осуществления внешней политики получали признание в других регионах Европы.

Несмотря на то, что в настоящее время концепция Мэттингли подверглась критике и значительному пересмотру [см.: 3; 26], сделанный ученым общий вывод в целом остается конвенциональным. Регулярный обмен дипломатическими представителями, восприятие дипло-

Автор:

Мазарчук Дмитрий Валерьевич — кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: bande_nere@mail.ru, Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Mazarchuk Dmitry — Candidate of History, Associate Professor, Doctorant of the Department of International Relations of the Department of International Relations, Belarusian State University, e-mail: bande_nere@mail.ru, Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

матии как постоянной функции государства, появление специализированных центральных государственных учреждений, а также распространение резидентного дипломатического представительства по-прежнему признаются магистральными тенденциями развития дипломатии Нового времени [4, р. 2—11; 10, р. 665].

Наличие резидентного представительства является самым очевидным маркером дипломатии современного типа. Если первоначально правительства отдельных государств вводили ограничения на срок пребывания иностранных дипломатов, воспринимая их как шпионов, то со временем польза от них была признана практически повсеместно. Определяющим критерием признания дипломатического представительства постоянным (резидентным) считается ситуация: когда посла отзывают, его вакансия заполняется без промедления [23, р. 76].

Установление между государствами сети постоянных дипломатических контактов, с одной стороны, и длительность пребывания тех или иных лиц в миссии — с другой, являлись факторами положительного воздействия на профессионализацию работы каждого отдельного дипломата. Несмотря на то, что до XVIII в. нельзя говорить о существовании профессии дипломата [10, р. 667—668], следует признать, что в период Нового времени происходил постоянный рост профессионализма в сфере дипломатии как государственного института.

Как известно, к основным признакам профессии относят постоянство занятия и стабильный заработок, наличие специального образования, квалификационные требования, а также регламентацию (регуляцию) в рамках системы общественных отношений [см.: 1; 2]. При этом профессионализация дипломатической службы должна была сопровождаться как внешней, так и внутренней регуляцией [17, р. 442—443].

Внутренняя регуляция является результатом рефлексии (саморефлексии) относительно статуса дипломатов, этической и профессиональной проблематизации деятельности дипломатических агентов, признания роли последних в государственной жизни и проявляется в разного рода коллективных действиях. Отражением этого процесса в западноевропейской истории XII—XVIII вв. являются разнородные группы текстов: глоссы, комментарии, «зеркала», позднее — специализированные трактаты, посвященные роли и функциям послов [11, р. 756—757].

Урегулирование различных сторон работы дипломата извне также было длительным процессом. Важными составляющими такого урегулирования были два взаимосвязанных аспекта: во-первых, становление общепринятой строгой иерархии рангов дипломатических работников, во-вторых, унификация их

номенклатуры. Очевидно, что оба аспекта развивались параллельно и представляют собой две стороны одного явления. Качественная оценка состояния этих аспектов внешней регламентации в тот или иной момент времени может служить показателем либо своеобразным маркером уровня профессионализации дипломатического занятия.

Таким образом, анализ номенклатуры дипломатических работников представляет собой важный этап изучения генезиса западноевропейской дипломатии как социального и государственного института. Для выяснения перспектив дальнейших исследований в данной области необходимо рассмотреть историографию вопроса — основные подходы к решению проблемы существования дипломатической иерархии и унификации дипломатической номенклатуры в раннее Новое время.

Номенклатура дипломатических агентов в Западной Европе Нового времени восходит к средневековой латыни. С интенсификацией межгосударственных контактов в период Ренессанса происходил рост числа обозначений дипломатических агентов. Всего в официальных бумагах, переписке и нарративных источниках раннего Нового времени содержится как минимум десять терминов: *ambaxiator*, *commissarius*, *consilius*, *deputatus*, *factor*, *legatus*, *negutum gestor*, *nuncius*, *orator*, *procurator*. По поводу употребления основных из них в историографии существует две основные точки зрения, по сути, два возможных решения вопроса существования в период раннего Нового времени иерархии дипломатических работников [13, р. 50; 14, р. 206—208].

Представители первого направления («иерархическая школа») постулируют существование нескольких уровней иерархии дипломатических агентов, соответствующих разным их функциям и степеням важности. В общем виде эта иерархия выглядит следующим образом (от более важного к менее важному): *ambaxiator* (синонимы: *legatus*, *orator*) — *procurator* — *nuncius*. Полномочия нунция включали передачу посланий от суверена, а также участие от его имени в церемониальных мероприятиях. Не имевший церемониальных функций прокуратор, тем не менее, обладал правом на ведение переговоров и заключение соглашений. При этом нередки были случаи сочетания различных терминов [5, р. 648, 650; 7, р. 623; 9, р. 85—87; 18, р. 26—28; 20, р. 294—306; 23, р. 3—84].

Широко распространившийся с XIII в. термин *ambaxiator* (насчитывалось не менее шести вариантов его написания на латыни и множество — на вульгарных языках [20, р. 301—302]) постепенно слился по значению с терминами *legatus* и *orator*, а в конце XV в. их вытеснил [11, р. 533—539; 18, р. 26]. К этому же времени относится распространение практики направления резидентных дипломатических

агентов. Впрочем, они не вытесняют полностью дипломатов *ad hoc* (специальных агентов), которых продолжали направлять даже при наличии резидентных послов. Специальные дипломатические агенты могли обладать даже более широкими полномочиями. В начале XVI в. было характерно разграничение функций: резидентный посол отвечал за сбор новостей, а специальный посол вел переговоры [6, p. 163–164; 23, p. 84].

Представители второго направления (Дж. Фергюсон, Д. Поттер, Ш. Жири-Делуасон) склоняются к тому, что дипломатическая номенклатура в период раннего Нового времени еще не была достаточно разработанной и, тем более, унифицированной. Самым общим вариантом решения вопроса о наличии либо отсутствии официальной иерархии дипломатов является признание того, что еще в XVI в. основное разделение проходило между резидентными и специальными послами. На первых возлагались более важные обязанности, им предоставлялась определенная свобода действий [20, p. 294, 306; 22]. Вместе с тем, как заметила еще Б. Беренс, разграничение между резидентным и специальным послами «легко проводимо в теории, но не всегда легко наблюдалось на практике» [6, p. 162]. По мнению Э. Меека, «специальные посольства обеспечивали бóльшую степень эффективности и гибкости, чем до настоящего времени было принято считать среди историков» [21, p. 50].

Видный представитель второго направления в историографии Дж. Фергюсон единственным основанием для построения иерархии дипломатических агентов в раннее Новое время считал наличие либо отсутствие полномочия/доверенности (англ. *letter of proxy*, франц. *pouvoir*) — документа, дающего полномочия на представление суверена (*plena potestas*). Наличие этого документа определяло различие между простой доставкой послания либо дара и полномочием вести официальные переговоры [12, p. 157–158]. Ситуацию усложняет то, что в некоторых случаях не обладающее *plena potestas* лицо в церемониальном плане ставилось выше того, кто обладал таким полномочием [25, p. 304].

Подход Дж. Фергюсона был развит Ш. Жири-Делуасоном, который усматривает основное различие между теми дипломатами, которые обладали официальными документами, наделавшими их прокураторской *plena potestas*, и теми, у кого таких документов не было. К числу этих документов относятся прежде всего доверенности, а также верительные грамоты (*letter of credence*, *letter de créance*). Именно их наличие придавало миссии дипломатический характер; соответственно, их обладатели автоматически могли быть причислены к дипломатам. Они обладали правом вести переговоры, а иногда также заключать соглашения. Те же, кто отправлялся в миссию

без подобного документа, являлись просто гонцами или посланцами (посланниками), не уполномоченными вести переговоры от имени суверена или правительства. Объединяло их с дипломатами наличие инструкций и охранных грамот (*sauf-conduit*), необходимых для пересечение территории иного государства. В некоторых случаях им также выдавали верительные грамоты, необходимые для удостоверения личности и правдивости передаваемой информации [14, p. 207].

Таким образом, по крайней мере до 1520-х гг., в Англии и Франции существовало два рода агентов, выполнявших поручения, связанные с осуществлением внешнеполитической функции суверена: 1) аккредитованные дипломаты или послы (в основном специальные, поскольку резидентное дипломатическое представительство только зарождалось); 2) посланцы, перевозящие письма или сообщения иного рода [13, p. 58].

Представители второго направления в историографии сходятся в том, что в период раннего Нового времени употребление множества наименований дипломатических агентов не было системным. По этой причине построить строгую иерархию дипломатических рангов для этого периода невозможно. Можно только выделить основные тенденции словоупотребления, прежде всего, рост частоты использования термина *ambassador*, который с начала XVI в. становится основным.

Стоит отметить, что даже приверженцы «иерархической школы» также обращали внимание на то, что множественная терминология в источниках не была систематизирована и использовалась непоследовательно [12, chapt. 8; 23, p. 57–59; 24, p. 212]. Именно поэтому в исследованиях последнего времени авторы не считают нужным выяснять вопрос о строгой иерархии дипломатических работников раннего Нового времени. Более актуальными для них являются культурные аспекты дипломатической практики, вопросы материального и ментального мира дипломатов [4, с. 288–289].

Попытку поставить точку в противостоянии двух направлений в историографии предприняла итальянская исследователь И. Лаззарини, оценив иерархию дипломатических представителей (*legatus — procurator — nuncius*) как своего рода теоретическую конструкцию. По ее мнению, различия между названными дипломатическими представителями заключались в их субъективных полномочиях, что находило отражение в предоставленных им документах (доверенность, верительная грамота). На практике системность наименования агентов не выдерживалась. Даже в случае четкой определенности функций и полномочий агентов с ростом интенсивности и усложнением дипломатических контактов на протяжении XV в. наблюдалась тенденция к выходу за нормативные пределы [16, p. 42–43].

В любом случае указанные три категории относятся, по мнению И. Лаззарини, «к официальным (*formal*) дипломатическим агентам» [16, р. 34], снабженным документами, представляющие полномочия вести переговоры, заключать соглашения, представлять суверена.

В широком смысле в дипломатической деятельности в период ее становления (Новое время) принимало участие множество различных категорий лиц [16, р. 37–41, 123–145; 20, р. 304]. Для выделения из их числа слоя дипломатических агентов в буквальном смысле слова необходимо следовать более или менее точному определению. Поэтому для отнесения лица к дипломатам недостаточно только наличия документов — доверенности и верительной грамоты. Помимо этого, необходимо обращать внимание на цель и содержание миссии.

Следуя Г. Беллу, дипломатом можно считать лицо, которое «было назначено (*warranted*) своим сувереном официально представлять английское правительство перед внешней державой или влиянием, расположенным вне английских территориальных границ» [8, р. 2–3]. Определив этот критерий, Г. Белл исключил из составленной им базы данных английских дипломатов тех, кто представлял физических лиц (исключая суверена); купцов и военных без верительных грамот; консулов; герольдов (исключая тех, кто был наделен полномочиями дипломатического свойства); курьеров и тех, кто доставлял почетные титулы или ордена (исключая выполнявших эту почетную обязанность представителей знати) [8, р. 3–4]. Несмотря на роль, которую они играли в осуществлении внешнеполитической функции, эти лица оставались вне дипломатической сферы.

Таким образом, помимо дипломатических агентов, существовало несколько категорий лиц, выполнявших разного рода квазидипломатические поручения, в первую очередь, передачу послания в письменной либо устной форме. Самыми многочисленными среди них были, по-видимому, герольды разных рангов и курьеры, а позднее также консулы. Большин-

ство представителей обоих указанных выше направлений в историографии сходятся в том, что данных лиц следует исключать из любых перечней дипломатических представителей [18, р. 28–29].

В то же время отметим точку зрения Э. Меека, согласно которой роль герольдов не сводилась к представительству в публичной церемонии — они имели существенное значение в осуществлении внешней политики Англии уже при Эдуарде IV. Э. Меек отнес этих лиц к условной категории «младших дипломатов» (не наделенных *plena potestas*) [21, р. 79–113]. Очевидно, что в случае наделения полномочиями на ведение переговоров герольдов следует считать полноправными дипломатами.

Проведенный нами анализ позволяет заключить, что в настоящее время в историографии сформирован консенсус относительно того, что о сложившейся строгой номенклатуре и иерархии дипломатов можно говорить применительно к периоду не ранее XVIII в. Это мнение нашло отражение как в недавних исследованиях по истории дипломатии [11, р. 757–758], так и в обобщающих трудах учебного характера [15, р. 69]. Вместе с тем использование в документации, письмах или нарративных памятниках любого из основных терминов, связанных с обозначением дипломатической деятельности (*nuncius, procurator, ambaxiator*), неизбежно имело историческую подоплеку. Этимология основных понятий, генезис словоупотребления, частотность — эти и другие аспекты оказывали влияние на процесс закрепления общепринятой терминологии.

Полагаем, что последующие исследования общих и специфичных вопросов истории западноевропейской дипломатии середины XV–XVII в. потребуют пристального внимания к вопросам номенклатуры дипломатических агентов. Одним из возможных направлений может стать анализ связей между развитием разных форм регуляции дипломатической деятельности и оформлением в раннее Новое время субъектности государственной внешней политики.

Список использованных источников

1. Вебер, М. Наука как призвание и профессия / М. Вебер // Вебер, М. Избранное: протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер. — 2-е изд. — М.: Рос. полит. энцикл., 2006. — С. 529–546.
2. Вебер, М. Политика как призвание и профессия / М. Вебер // Там же. — С. 485–528.
3. Мазарчук, Д. В. «Новая дипломатическая история»: становление, направления исследования и перспективы развития / Д. В. Мазарчук // Весці Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітарных навук. — 2021. — Т. 66, № 3. — С. 52–56.
4. Anderson, M. S. Rise of Modern Diplomacy, 1450–1919 / M. S. Anderson. — Harlow: Routledge, 1993. — 330 p.
5. Behrens, B. Origins of the Office of English Resident Ambassador in Rome / B. Behrens // English Historical Review. — 1934. — Vol. 49, N 196. — P. 640–656.
6. Behrens, B. The Office of English Resident Ambassador: Its Evolution as Illustrated by the Career of Sir Thomas Spinely, 1509–1522 / B. Behrens // Transactions of the Royal Historical Society. 4th Series. — 1933. — Vol. 16. — P. 161–195.
7. Behrens, B. Treatises on the Ambassador Written in the Fifteenth and Sixteenth Centuries / B. Behrens // English Historical Review. — 1936. — Vol. 51, N 204. — P. 616–627.
8. Bell, G. M. A Handlist of British Diplomatic Representatives, 1509–1688 / G. M. Bell. — London: Offices of the Royal Historical Society, 1990. — 306 p.
9. Cuttino, G. P. English Diplomatic Administration 1259–1339 / G. P. Cuttino. — Oxford: Longmans, 1940. — 195 p.
10. Dover, P. M. The Emergence of Diplomacy / P. M. Dover, H. Scott // Oxford Handbook of Early Modern European History, 1350–1750. — Vol. 2. Cultures and Power / ed. by H. Scott. — Oxford: Oxford University Press, 2015. — P. 663–696.

11. Fedele, D. Naissance de la diplomatie moderne (XIIIe—XVIIe siècles). L'ambassadeur au croisement du droit, de l'éthique et de la politique / D. Fedele. — Baden-Baden: Nomos Verlag, 2017. — 846 p.
12. Ferguson, J. English Diplomacy 1422—1461 / J. Ferguson. — Oxford: Clarendon Press, 1972. — 289 p.
13. Giry-Deloison, C. La naissance de la diplomatie moderne en France et en Angleterre au début du XVIe siècle (1475—1520) / C. Giry-Deloison // Nouvelle revue du seizième siècle. — 1987. — T. 5. — P. 41—58.
14. Giry-Deloison, C. Le personnel diplomatique au début du XVIe siècle. L'exemple des relations franco-anglaises de l'avènement de Henry VII au camp du drap d'or (1485—1520) / C. Giry-Deloison // Journal des Savants. — 1987. — N 3-4. — P. 205—253.
15. Hamilton, K. Practice of Diplomacy. Its Evolution, Theory and Administration / K. Hamilton, R. Langhorne. — 2nd ed. — London; New York: Routledge, 2011. — 317 p.
16. Lazzarini, I. Communication and Conflict: Italian Diplomacy in the Early Renaissance, 1350—1520 / I. Lazzarini. — Oxford: Oxford University Press, 2015. — 326 p.
17. Lazzarini, I. Renaissance Diplomacy / I. Lazzarini // Italian Renaissance State / ed. by A. Gamberini, I. Lazzarini. — Cambridge: Cambridge University Press, 2012. — P. 425—443.
18. Mattingly, G. Renaissance Diplomacy / G. Mattingly. — N. Y.: Dover Publications, 1988. — 284 p.
19. Mattingly, G. The First Resident Embassies: Medieval Italian Origins of Modern Diplomacy / G. Mattingly // Speculum. — 1937. — Vol. 12, N 4. — P. 423—439.
20. Maulde La Clavière, R. A. M. de. La Diplomatie au temps de Machiavel. T. 1 / R. A. M. de Maulde La Clavière. — Paris: Ernest Leroux, 1892. — 465 p.
21. Meek, E. L. Conduct and Practice of Diplomacy during the Reign of Edward IV (1461—1483) / E. L. Meek. — PhD Thesis: University of Cambridge, 2001. — 205 p.
22. Potter, D. Diplomacy in the Mid-Sixteenth Century: England and France, 1536—1550 / D. Potter. — PhD Thesis: University of Cambridge, 1973. — 375 p.
23. Queller, D. E. The Office of Ambassador in the Middle Ages / D. E. Queller. — Princeton: Princeton University Press, 1967. — 202 p.
24. Queller, D. E. Thirteenth Century Diplomatic Envoys: nuncio and procuratores / D. E. Queller // Speculum. — 1960. — Vol. 35. — P. 196—213.
25. Queller, D. Review: Ferguson J. English Diplomacy 1422—1461. Oxford, 1972 / D. Queller // Speculum. — 1975. — Vol. 50, N 2. — P. 303—305.
26. Sowerby, T. A. Early Modern Diplomatic History / T. A. Sowerby // History Compass. — 2016. — Vol. 14, N 9. — P. 441—456. (<https://doi.org/10.1111/hic3.12329>)

Статья поступила в редакцию в сентябре 2021 г.